

Методологический анализ когнитивной модели* Дж. Сёрля

Медведев В.А.

Дж. Р. Сёрль является современным исследователем в области аналитической философии, наработки которого имеют существенное значение в развитии нового направления, так называемых, «когнитивных исследований». Особый интерес представляют идеи ученого, касающиеся применения концептуального аппарата аналитической философии к решению проблемы конституирования социальной реальности. В качестве материала для рассмотрения заданной проблематики используются такие работы Дж. Сёрля, как его книга «Конструирование социальной реальности» [Сёрл Дж. Конструирование социальной реальности / Рефер. пер. с англ. А. Романовой. 1999. (Эл. ресурс) // <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/searle.htm>], а также статьи, в которых автор развивает тематику, затронутую в названной книге, а именно, «Социальная онтология: основополагающие принципы» [Searle J.R. Social Ontology: Some Basic Principles. 2004 (Electronic resources) // <http://socrates.berkeley.edu/~jsearle>] и «Что такое институт?» [Searle J.R. What is an Institution? 2005 (Electronic resources) // <http://socrates.berkeley.edu/~jsearle>]. Эти работы взаимодополняют друг друга. Причем автор, развивая свою концепцию, отчасти повторяется в них таким образом, что это позволяет судить, с одной стороны, о характере изменения его представлений, а – с другой, о сохранении основных положений концепции, которая нашла выражение в указанной книге Дж. Сёрля**.

Основная проблематика данных работ связана с вопросами «социальной онтологии». Дж. Сёрль задается целью концептуализировать особенности социальной реальности, структуру и механизмы человеческой жизнедеятельности.

Теоретико-методологические основания разрабатываемого ученым подхода «определяются» им как, во-первых, классическая реалистическая

---

* Когнитивная модель – это структура теоретико-методологических принципов, определяющая видение субъектом познания предмета исследования, способы его концептуализации и горизонт когнитивного действия [Ср.: Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. М.: Языки славянской культуры, 2004]. Данный термин близок по смыслу конструкту «концептуальный каркас» [См.: Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001], но в то же время не является его абсолютным эквивалентом, поскольку, будучи когнитивным образованием, имеет не только эпистемологический, но и онтологический статус.

** Обращение к данным статьям актуально не только из-за их новизны (в смысле времени публикации), но также в силу того, что их аутентичный текст позволяет лучше почувствовать аргументацию автора, дает возможность познакомиться с особенностями языковой и когнитивной стилистики и, тем самым, составить более полное представление о той когнитивной модели, которая характеризует его как самостоятельного ученого. В частности, реферативный перевод книги Сёрля сглаживает «остроту» его аргументов, что, хотя и не искажает основное содержание книги, тем не менее, придает совсем другой оттенок стилю ее изложения, несколько «размывая» контуры соответствующей когнитивной модели. В этом отношении статьи Сёрля характеризуются более четкой, а в отдельных случаях даже категоричной постановкой вопроса, для них характерна определенная полемичность. И это ярче высвечивает особенности теоретико-методологических установок ученого.

установка мышления и связанная с нею корреспондентная концепция истины, во-вторых, «онтология языка», актуализированная в дискурсе аналитической философии (и, в этом смысле, отличная от ее герменевтической интерпретации) [Searle J.R. Social Ontology: Some Basic Principles. 2004. P. 3-4 (Electronic resources) // <http://socrates.berkeley.edu/~jsearle>], в-третьих, связанная с аналитической философией стратегия методологического индивидуализма, проявляющаяся, в частности, в использовании «интенционалистского» концептуального аппарата [Searle J.R. What is an Institution? 2005. P. 26. (Electronic resources) // <http://socrates.berkeley.edu/~jsearle>], и, в-четвертых, система теоретических представлений, которые соответствуют названным методологическим основаниям, почерпнуты автором в социологическом и социально-философском дискурсах и систематизированы с позиции доминантности языка как фундаментального основания социальной реальности. В частности, модель социальной онтологии Сёрля образована системой таких теоретических представлений, как (1) функционализм, институционализм и концепция социальных фактов Э. Дюркгейма; (2) близкая к дюркгеймовскому прочтению «социальной солидарности» модель «коллективной интенциональности», которая, несмотря на использование феноменологической терминологии и отдельных идей А. Шюца, ближе по содержанию к классической социологической концепции Э. Дюркгейма; (3) модель «институционального факта», в значительной мере основанная на «формальной социологии» Г. Зиммеля, а также связанная с интерпретацией «факта» в аналитической философии; (4) идея «конструктивных (или конститутивных) правил», сопоставимая с работами «философов-аналитиков», а также отдельными параметрами «коммуникативной теории» Ю. Хабермаса; и, наконец, (5) конструкт «деонтической власти», опосредованный концепцией «символического капитала» П. Бурдьё.

Концептуальный синтез этих параметров образует достаточно интересную теоретико-методологическую конфигурацию, которая проявляет собой когнитивную модель автора с соответствующим ей горизонтом познавательных возможностей и ограничений исследования.

Разработка вопросов социальной онтологии в рамках заданной системы теоретико-методологических принципов требует от Дж. Сёрля прежде всего решить проблему сопоставимости реализма с сопутствующей ему в данном случае ориентацией на достижение «истины-соответствия» (корреспондентная концепция истинности), с одной стороны, и методологического индивидуализма, трактуемого с позиции классического сенсуализма – с другой. Для этого вводится разграничение онтологического и эпистемологического критериев интерпретации дихотомии «субъективное – объективное». Сёрль полагает, что это дает возможность учесть фактор субъектности познавательного процесса, в то же время не «скатываясь» к солипсизму или релятивизму и, таким образом, сохраняя верность реалистической установке мышления.

Обращение к подобным критериям позволяет претендовать на объективность изучения общественной жизни даже при условии номиналистической интерпретации соответствующих процессов. Ученый отмечает: особенностью социальной реальности является обусловленность существования последней тем обстоятельством, что люди воспринимают ее в качестве существующей. Если добавить к этому утверждение Дж. Сёрля, согласно которому «институциональная онтология требует рассмотрения от первого лица», то есть предполагает рассмотрение социальной реальности как воспроизводимой за счет того, что она воспринимается и осознается в качестве таковой множеством конкретных индивидов, которые даже параметры коллективной интенциональности актуализируют не иначе, как в виде индивидуальных когнитивных практик [Searle J.R. What is an Institution? 2005. P. 26. (Electronic resources) // <http://socrates.berkeley.edu/~jsearle>], то становится очевидным, что соединение подобной стратегии методологического индивидуализма с реалистической установкой мышления – дело далеко не простое. А, следовательно, способ решения ученым данной задачи представляет особенный интерес в контексте концептуализации его когнитивной модели.

Дж. Сёрль исходит из того, что жизнь общества образует собой скоординированное целое. Люди взаимодействуют, понимают друг друга, приходят к согласию относительно содержания окружающего их социального мира, который, по крайней мере, в отношении сложных социальных образований оказывается нередуцируемым к физиологическому восприятию, не будучи, в этом смысле, «онтологически объективным», что в то же время не мешает ему быть объективным в эпистемологическом отношении. Социальность по большей части не является онтологически данной в смысле безотносительности к осознанию ее человеком и в то же время существует вне зависимости от конкретного акта ее субъективного восприятия индивидом, что означает объективность подобной реальности с точки зрения эпистемологически трактуемой «онтологии социального»*.

В книге «Открывая сознание заново» [Серл Дж. Открывая сознание заново. М.: Идея-Пресс, 2002] Дж. Сёрль отмечает, что XX век парадоксальным образом «потерял» сознание как предмет изучения. Данный феномен оказался в «слепом пятне» не только науки (включая психологию), но также и философии. Современный исследователь, как правило, имеет отчетливое представление о том, что собой представляет «бессознательное», но при этом едва ли способен уверенно рассуждать о «сознании», которое,

---

* При внимательном рассмотрении в данном пункте выявляются отдельные сложности, связанные с недостаточной проработкой Дж. Сёрлем эпистемологической проблематики, что, однако, не мешает, следуя его же выражению, пересекать комнату, зная о существовании апорий Зенона, в которых перемещение в пространстве оказывается неразрешимой задачей [Searle J.R. The Future of Philosophy. 1999. P. 26. (Electronic resources) // <http://socrates.berkeley.edu/~jsearle>]. Другими словами, подобные трудности не мешают развитию им концепции, которая несмотря на любые противоречия имеет определенный горизонт познавательных возможностей и позволяет решать целый ряд актуальных когнитивных задач.

казалось бы, должно быть основой противопоставления и, следовательно, изучаться в первую очередь, чего, однако, не происходит. Более того, даже методологический аппарат, разработанный Гуссерлем специально для «научно-философского» исследования сознания, трансформируется таким образом, что его применение уже не требует обращения к сознанию. В частности, «интенциональность» как неотъемлемое свойство сознания, начинают рассматривать безотносительно к последнему. Сознание выводят за пределы исследовательского фокуса в силу «излишней сложности» названного феномена. А это, по мнению Сёрля, является неприемлемым, поскольку сознание – слишком важный предмет изучения, чтобы его можно было «оставить за скобками» [Серл Дж. Открывая сознание заново. М.: Идея-Пресс, 2002. С. 24-45].

Присоединяясь к размышлениям Дж. Сёрля, стоит добавить, что он не одинок в отстаивании данной позиции. Тезис о «возвращении к человеку», что, в частности, предполагает возобновление интереса к изучению человеческого сознания как онтологической категории и важнейшего референта исследования, становится программным ориентиром развития обществознания и, более широко, научно-философского дискурса, ориентировочно, с 60-х годов XX века, что, в свою очередь, актуализирует процессы становления и развития нового идеала научной рациональности. Но в данном контексте интерес представляет именно позиция Сёрля, причем не столько с точки зрения ее новизны или же адекватности, сколько в отношении самого факта существования данной методологической установки и, что особенно важно, способа ее операционализации ученым в своих теоретических построениях.

Дж. Сёрль рассматривает сознание как «физическую и ментальную характеристику некоторых нервных систем» [Серл Дж. Конструирование социальной реальности. 1999. С. 3. (Электронный ресурс) // <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/searle.htm>]. При этом как свойство, позволяющее отделить человека от других животных, оно определяется человеческой способностью, осознавая себя и окружающий мир, обозначать соответствующие параметры посредством определенных символов, а это означает способность наделять объекты онтологическими свойствами, которых нет в физическом мире, и в дальнейшем распознавать эти свойства, постепенно конструируя таким образом пространство собственной жизнедеятельности.

В то же время для Дж. Сёрля принципиально важно, развивая данную линию теоретических построений, сохранить объективность научного факта с опорой на корреспондентную концепцию истины и, соответственно, реалистическую установку мышления. Ему необходимо решить вопрос о том, как, учитывая индивидуальность всякого когнитивного акта и, следовательно, процесса наделения физических референтов новыми, не присущими им изначально свойствами, избежать релятивизма, предполагающего

множественность конструируемых индивидами социальных реальностей*. Для этого исследователь акцентирует интенциональность человеческого сознания, определяя ее как «способность организма представлять объекты и состояния окружающего мира» [Серл Дж. Конструирование социальной реальности. 1999. С.4. (Эл. ресурс) // <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/searle.htm>] посредством других объектов, которые, таким образом, обретают функцию знакового посредника – символа**.

В данном случае принципиальное значение имеет то, что выходящая за пределы физических свойств онтология социальных образований (объектов) определяется функциональностью соответствующих референтов. Сёрль показывает на примере физических объектов, что собой представляет «наделение» онтологически объективных референтов новыми свойствами, которых нет в физическом мире и которые в то же время являются объективными с точки зрения социальной реальности. Речь идет о «назначении функции». Именно функциональные параметры подобных объектов определяют их онтологический статус в качестве фрагментов социальной реальности. Функция является тем, что, не будучи изначально присущим физическому объекту, придает ему свойства нового онтологического (в смысле социальной онтологии) образования. Ученый обосновывает тезис, согласно которому функциональных свойств нет в окружающем мире, взятом безотносительно к человеческому сознанию. Функциональность производна от человеческого сознания. Согласно Дж. Сёрлю, в физическом мире есть законы причинности, но нет атрибутов функциональности, так как функция, по сути своей, телеологична и, в этом смысле, напрямую зависит от целей, устремлений, намерений, которыми обладает человек и которые он нередко проецирует на окружающий мир.

Исследователь показывает, что особенностью человеческой жизнедеятельности является не просто ее социальность, по своим базовым структурам являющаяся природным феноменом и понимаемая им как способность к ролевому взаимодействию. По Сёрлю, этой особенностью является способность **конструировать** социальную реальность. А это становится возможным исключительно за счет человеческого сознания и структурообразующих для социальной реальности форм его опредмечивания, субстантивации в человеческой жизнедеятельности. При этом сознание интересует ученого, главным образом, с точки зрения его интенциональности, трактуемой как «способность разума представлять объекты и состояния мира по другому, чем они есть сами по себе» [Серл Дж. Конструирование

---

* Здесь необходимо отметить, что вопрос о целесообразности развития подобной методологической установки на данном этапе не ставится, поскольку это имеет лишь косвенное отношение к особенностям изучаемой когнитивной модели.

** В данном пункте важно зафиксировать, что Сёрль говорит именно о **представлении**, а не об идентификации. По сути, здесь вводится фигура умолчания, когда функция представления (обозначения), будучи направленной на обеспечение идентификации референта, превращается из средства в основное содержание и, в конечном счете, результат соответствующего процесса.

социальной реальности. 1999. С. 3. (Электронный ресурс) // <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/searle.htm>].

Для Сёрля в данном случае важно, что исходной точкой «онтологии социального», критерием проявления социальной реальности как особого, «человеческого» феномена и, в этом смысле, «водоразделом» между животным миром и Человеком являются не столько коллективные формы существования и, следовательно, появление общности взаимодействующих индивидов, сколько образование **сознания** как особого качества. Коллективные формы существования – это природное, биологическое явление, которое эволюционно первично, оно предшествует появлению человеческого сознания и, следовательно, связанной с ним «онтологии социального». Поэтому, рассматривая социальное бытие как бытие человеческое, необходимо четко разграничивать факторы, определяющие появление нового качества, и факторы, обуславливающие возможность его формирования, т.е. предшествующие его появлению.

Так, Дж.Сёрль показывает, что конструирование социальной реальности возможно за счет коллективной интенциональности, но при этом в отличие от существующей традиции восхождения от индивидуального к социальному, предполагающей решение вопроса о возможности согласования многовекторности индивидуальных актов сознания, его собственная позиция основывается на акцентировании в этом феномене (коллективная интенциональность) иной онтологической связи. Проблемой, по Сёрлю, является не возможность согласования различных направлений когнитивного действия, а само это действие и его влияние на «социальную онтологию», поскольку коллективный характер интенциональности есть эволюционно сформировавшийся фактор, биологически обусловленная форма существования человека как вида. То есть акценты в данном случае расставляются таким образом, что речь заходит не о «**коллективной** интенциональности», но о «**коллективной интенциональности**».

Это означает, что Сёрля интересует не возникновение «социальной реальности». Это для него свершившийся факт. Его интересуют механизмы функционирования данного онтологического образования и, прежде всего, те особенности последнего, которые обуславливают возможность изучения социальной реальности при условии сохранения классической модели «научности». Принимая во внимание данное обстоятельство, становится возможным понять многие особенности его позиции и, таким образом, осмыслить параметры самодостаточности и **внутренней** непротиворечивости соответствующей когнитивной модели. А это важно, поскольку в обратном случае многие линии развития его мысли кажутся «ограниченными», возникает ощущение «близорукости» ученого, который очень умело ставит проблему, задает перспективный (с точки зрения формирующегося в современной науке идеала научной рациональности) вектор развития мысли и все время сворачивает на «проторенные дорожки» классического идеала научной

рациональности. Не случайно в этом отношении «социальная онтология» разрабатывается Сёрлем внутри устоявшейся (классической) системы онтологических представлений, что эпистемологически выражается в опоре на традиционно понимаемую реалистическую установку мышления и корреспондентную концепцию истины, а, следовательно, и соответствующее понимание научного факта.

«Социальная онтология» Дж. Сёрля – это попытка адаптировать когнитивные структуры классического идеала научной рациональности в условиях «гуманизации» познавательного процесса. При этом речь вовсе не идет об отстаивании позиции, согласно которой классическая рациональность требует сохранения. И в этом отношении данный предмет рассмотрения является особенно интересным, поскольку методолог сталкивается в подобном случае с проблемой «когнитивного горизонта» соответствующей модели познания. В данном контексте проявляется «зазор» между содержательной интенцией теоретика и обуславливающими логику движения мысли основаниями его когнитивной модели, последние из которых, будучи латентными методологическими структурами, наиболее четко прослеживаются именно в случае возникновения подобного рода несоответствий.

Примером тому служит осуществляемый Дж. Сёрлем анализ «функциональности» социальных образований. Он исходит из того, что социальная реальность есть структурно организованное целое, воспроизводимое в силу его осознания индивидами в качестве существующего. И следствием этого является то, что причинность как выражение связи природных явлений приобретает в контексте социальной реальности форму функциональной взаимозависимости объектов, процессов и их состояний. Социальная реальность существует, поскольку люди «думают о ней как о существующей» [Searle J.R. Social Ontology: Some Basic Principles. 2004. P.2. (Electronic resources) // <http://socrates.berkeley.edu/~jsearle>], а это предполагает идентификацию явлений и процессов в рамках определенной системы координат, которая представляет собой наиболее общую форму выражения потребностей, интересов, целей, ценностей, ориентиров жизнедеятельности человеческого сообщества. Отсюда, конструируя социальную реальность, люди наделяют образующие ее объекты, процессы и отношения связанными с их жизнедеятельностью функциями. Концептуализация механизма воспроизводства и развития общества, характеризуемого с данной позиции рассмотрения, осуществляется Сёрлем посредством таких теоретико-методологических конструктов, как «назначение функции», «коллективная интенциональность» и «конструктивные правила» [Searle J.R. Social Ontology: Some Basic Principles. 2004. P.6. (Electronic resources) // <http://socrates.berkeley.edu/~jsearle>]. Однако прежде, чем рассматривать подобный механизм, имеет смысл сделать несколько замечаний относительно обозначенных выше параметров.

Прежде всего, стоит подчеркнуть, что сам Сёрль не задается напрямую вопросом соотношения человеческого сознания и функциональности как свойства социальной реальности. Предложенная интерпретация представляет собой сведение к одному «знаменателю» совокупности не связанных в данной логике тезисов Сёрля. Ученого интересует несколько иной объект рассмотрения, что, однако, не отменяет возможности логического развития его утверждений. Сам он развивает свои идеи в виде анализа конкретных примеров. Его интересуют единичные факты, в структуре которых он проявляет онтологические зависимости, определяющие модель концептуализации любых фрагментов социальной реальности. Исследователь довольно подробно разбирает условия и возможности экстраполяции своих выводов, но в то же время не выходит на уровень обобщений, что во многом обусловлено позицией методологического индивидуализма, которая теряет «устойчивость» на уровне концептуализации макросоциальных процессов.

Функциональность как свойство социальных образований определяется Дж. Сёрлем с позиции номиналистической интерпретации функции. Для него функциональность референта есть следствие назначения функции, что предполагает существование агента когнитивного действия. Отсюда, функции, по Сёрлю, делятся на «агентивные» и «неагентивные», предполагая, соответственно, «операциональное» и «когнитивное» использование функциональных свойств референта, т.е. наделение функцией для реализации определенной цели и идентификацию функциональных атрибутов как условие осознания референта в качестве существующего и, следовательно, проявленного в «когнитивном горизонте» восприятия индивида.

Дж. Сёрль, обозначая оба вида функций, делает в своем исследовании акцент на агентивные параметры «социальных объектов». Однако в данном случае особый интерес представляют именно неагентивные функции, поскольку, признавая факт их существования, ученый, по сути, подрывает основную свою методологическую опору. Его книга называется «Конструирование социальной реальности», и в этом проявляется важнейшее отличие его модели от концепции «социального конструирования реальности», которая развивается в одноименной работе П. Бергера и П. Лукмана на основе «феноменологической социологии» А. Шюца. Это отличие заключается в том, что «социальная онтология» Дж. Сёрля разрабатывается в пределах «фундаментальной онтологии природы» с опорой на корреспондентную теорию истины, которая несопоставима с концепцией А. Шюца. Сёрль говорит о конструировании социальной реальности, но исключает возможность конструирования онтологического пространства (реальности как таковой), поскольку это препятствует использованию корреспондентной концепции истины и противоречит традиционно понимаемой позиции реализма. Как следствие, обращение к неагентивным функциям вводит в его модель неразрешимое противоречие. А поскольку это обстоятельство не является

очевидным, в данном случае требуется логическое развитие методологических допущений исследователя.

Ученый соотносит причинность и функциональность как категории, позволяющие по-разному концептуализировать связь онтологических переменных. Он четко дифференцирует данные категории и использует их различие в качестве методологической предпосылки для построения модели «социальной онтологии». Однако исходя из данного пункта, т.е. рассматривая функциональность в качестве категории, позволяющей концептуализировать обусловленную особенностями человеческого сознания связь объектов, процессов и состояний социального мира, Дж. Сёрль в ходе развития собственной мысли редуцирует содержание названной категории до упрощенной, прагматической интерпретации функции. Функция оказывается здесь ориентированной на использование свойств референта, что в случае с агентивными функциями связано с намерением использовать подобные свойства, а в отношении неагентивных функций предполагает идентификацию референта с точки зрения утилитарного значения его свойств в жизнедеятельности индивидов и групп людей.

Ученый приводит пример с кровеносной системой человека, говоря о функции сердца и показывая, что ее определение, будучи производным от биологических характеристик данного органа, зависит от интерпретации подобных характеристик относительно системы ценностей, обуславливающей понимание человеком значения данного референта [Searle J.R. Social Ontology: Some Basic Principles. 2004. P.8. (Electronic resources) // <http://socrates.berkeley.edu/~jsearle>]. При этом Сёрль останавливается на единичном факте, не развивая когнитивного содержания данного тезиса. Для него в этом случае важно разграничить причинную и функциональную связь, что позволяет проявить категорию «назначение функции» и операционализировать ее в качестве предпосылки конструирования социальной реальности. Он хорошо справляется с этой задачей, но при этом не признает (а, скорее, не видит) всех последствий своей собственной аргументации.

Существование неагентивных функций предполагает, что социальный субъект не просто замещает многие причинные связи функциональными, не замечая при этом, что функциональность есть социокультурный конструкт [Searle J.R. Social Ontology: Some Basic Principles. 2004. P.8. (Electronic resources) // <http://socrates.berkeley.edu/~jsearle>]. Вывод, который следует из их особенностей, является более радикальным и связан с когнитивными параметрами человеческой жизнедеятельности. Свойства референта проявляются в виде функции не в силу их явного определения в качестве таковых. Функция сердца – качать кровь определяется не тем, что данное свойство называют «функцией», а тем, что сердце идентифицируется социальными субъектами на основе значения, которое определяет его интеграцию в соответствующей системе координат и, в этом смысле, проявляя

его связь с множеством других референтов, определяет функциональное содержание данного объекта рассмотрения.

Дж. Сёрль указывает на то, что камень, будучи объектом физического мира, не обладает функцией, которая приписывается ему, например, если индивид начинает использовать его в качестве «пресс-папье». Однако ученый не уделяет внимания тому, что камень и без этого обладает функцией, поскольку он социально идентифицирован в качестве определенного референта, а это означает, что он включен в определенную систему координат, которая опосредует понимание его места в мире. Простейшим примером здесь служит идентификация того же камня в мифологической и в научной картине мира. В первом случае это – форма существования жизни, во втором – неорганическое тело. И это только самая общая характеристика.

Мир идентифицируется человеком в виде определенным образом упорядоченного универсума. И характер его упорядочивания обусловлен картиной мира, культурным опытом человеческого сообщества. Упорядочивая мир, человек определяет значение различных его составляющих, т.е. наделяет объекты, процессы, явления неагентивными функциями, которые, согласно Сёрлю, зависят от доминирующей системы ценностей. А это означает, что подобные функции меняются диахронически (в ходе исторического процесса) и не являются универсальными при интерпретации параметров окружающего мира в настоящем с различных позиций идентификации референтов.

Развитие данной линии научной аргументации ведет к признанию онтологического статуса картины мира, которая определяет идентификацию человеком не только социальной реальности (в узком смысле слова), но и всей сферы действительного – окружающего мира, который идентифицируется в качестве объективного на современном этапе развития в силу обусловленности данного «видения» доминированием научной картины мира. А это требует признания конвенциональной концепции истины, что противоречит исходным установкам Дж. Сёрля, хотя латентно содержится в идее «неагентивной функции».

В то же время стоит отметить, что названное противоречие проявляется, если рассматривать работу Дж. Сёрля в качестве исследования в области онтологии. Если же трактовать ее как исследование по социальной философии, то критерии для ее оценки становятся совершенно иными. В этом случае кажущаяся недальновидность, «недостаток» проницательности ученого свидетельствует о его последовательности и, как ни парадоксально, непротиворечивости, поскольку с позиции фундаментальной онтологии классической науки модель Дж. Сёрля является логически когерентной, хотя за подобного рода непротиворечивость приходится платить достаточно дорогой ценой, а именно, отказом от когнитивных особенностей человеческого сознания и редуцированием последнего к сугубо **операциональной** трактовке интенциональности и связанных с ней механизмов конструирования социальной реальности.

Обращаясь к данному замечанию, необходимо **подчеркнуть**, что оно не является критическим (и, тем более, скептическим) в смысле отрицания значимости теоретических наработок Дж. Сёрля. Целью осуществляемого методологического анализа является не опровержение его концепции, а определение эпистемологической ниши, в которой результаты исследования Сёрля раскрываются в соответствии с возможностями и ограничениями его научной позиции и, в этом смысле, становятся наиболее эффективными с точки зрения перспективы их использования в ходе развития познавательного процесса. Однако достижимым это становится только при условии рассмотрения концептуальных наработок ученого в качестве субстрата определенной когнитивной модели с соответствующей ей логикой концептуализации предмета исследования.

«Операционализм» Дж. Сёрля, будучи характерной особенностью его «социальной онтологии», оказывается структурообразующим принципом изучения социальной реальности. Это предполагает редуцирование человеческого сознания к интенциональности когнитивного действия, которое актуализируется в формате исследования в виде множества когнитивных и поведенческих диспозиций, то есть в виде установок «социальных агентов» определенным образом воспринимать и действовать в сфере реализации их потребностей и интересов. По сути, это бихевиористская модель концептуализации общественной жизни, методологически обогащенная когнитивным ресурсом лингвистического структурализма.

Так, Дж. Сёрль отмечает: социальная реальность есть особое онтологическое образование, воспроизводство и развитие (перманентное конструирование) которого имеет три основания, каковыми являются (1) назначение функции, (2) коллективная интенциональность и (3) конструктивные правила [Searle J.R. Social Ontology: Some Basic Principles. 2004. P. 7-10. (Electronic resources) // <http://socrates.berkeley.edu/~jsearle>]. Взаимодействие данных факторов проявляет институциональный субстрат жизни общества. А это то, что с «операциональной» точки зрения образует содержание социальной реальности. Последняя существует, поскольку люди, воспринимая ее в качестве таковой, используют соответствующий социокультурный код как основу своей жизнедеятельности и тем самым наполняют его онтологическим содержанием. Причем это содержание представляет собой систему институциональных фактов, т.е. «статус-функций», которые опосредуют идентификацию социальных объектов, свидетельствуют о их существовании и проявляют «паттерны человеческой деятельности» [Серл Дж. Конструирование социальной реальности. 1999. С. 15. (Эл. ресурс) // <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/searle.htm>]. Дж. Сёрль определяет социальный институт как «любую коллективно принимаемую систему правил (процедур, практик), которая дает возможность создавать институциональные факты» [Searle J.R. What is an Institution? 2005. P. 26. (Electronic resources) //

<http://socrates.berkeley.edu/~jsearle>] и, тем самым, опосредует воспроизводство и развитие общества (конструирование социальной реальности).

Характеризуя модель «институционального факта», важно отметить, что исследователь разрабатывает ее как основание «объективной» концептуализации явлений и процессов, существование которых обусловлено особенностями человеческого сознания. И это является безусловным достижением Дж. Серля, хотя и не отменяет ограничений, которые опосредованы методологическими основаниями его научной позиции. В частности, изучение общества с точки зрения институциональных фактов позволяет эффективно осуществлять формализацию «достигнутых» состояний общественной жизни и, таким образом, характеризовать особенности и механизмы воспроизводства социальной реальности. Однако данная модель не является эффективной в отношении концептуализации процессов развития, появления нового на уровне конституирования социальной реальности. Это аналитический инструмент описания существующих социальных реалий, который не позволяет выходить на уровень диахронических обобщений, но в то же время дает возможность детального изучения праксеологических параметров с точки зрения утилитарных аспектов взаимодействия индивидов.

Данный методологический инструмент разрабатывается Дж. Сёрлем в русле лингвистического структурализма, что обогащает изучение социальной реальности осознанием роли языка в качестве основного «социального института», определяющего саму возможность существования социальной реальности. Дж. Сёрль рассматривает последнюю* как инфраструктуру институциональных фактов, существование которых опосредовано возможностью мыслить их в качестве таковых. Это, требуя выразимости последних посредством определенных символов, возможно только за счет языка (или эквивалентной ему символической системы). А поскольку сознание и, соответственно, мышление трактуется ученым с позиции «операционалистской» интерпретации изучаемого предмета, он имеет все основания отождествить лингвистические структуры с когнитивными образованиями, процесс осознания с реализацией индивидом языковых практик и, в конечном счете, человеческую культуру с системой воспроизводящих ее языковых (символических, социокультурных) кодов [Searle J.R. Social Ontology: Some Basic Principles. 2004. P. 13-14. (Electronic resources) // <http://socrates.berkeley.edu/~jsearle>].

Однако то, что все осознаваемое должно быть определенным образом выразимо или, по крайней мере, представляемо в виде символов, еще не означает тождественности референта и семиотических условий его существования, тождества формы и содержания, означаемого и означающего, символа и понятия. Лингвистическая система как таковая не обладает содержанием. Язык опосредует когнитивное действие, но не содержит его в

* Речь в данном случае идет не о «социальном» в широком смысле, а о конструируемой человеком социальной реальности, особенностью которой, по Сёрлю, является ее институциональный характер.

себе изначально. Мысль, процесс осознания зависит не от языка, а (1) от способности человека упорядочивать воспринимаемый материал «пропуская» его через себя (по Дж.Лакоффу это способность концептуализации [Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. М.: Языки славянской культуры, 2004]); (2) от системы координат, которая инструментально опосредует реализацию данной способности (социокультурный контекст); и (3) от способности человека интериоризировать параметры данной системы координат, усваивать социокультурное наследие сообщества, которое его интегрирует. Язык напрямую опосредует все эти процессы. Но именно **опосредует**, а не образует собою. Он является «инструментом», который не содержит в себе этих параметров, хотя и служит неотъемлемым условием их существования (реализации), безусловно, влияя на соответствующие процессы [См.: *Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999*].

Таким образом, Дж. Сёрль смещает акцент с содержания человеческой жизнедеятельности на условия ее осуществления и затем приписывает последним роль содержания, что предполагает подстановку языковой структуры на место человеческого сознания и, следовательно, подмену когнитивного действия процессом кодификации. Причем с точки зрения когнитивной модели Дж. Сёрля это не является противоречием. «Операционализм» его концепции не просто оправдывает, но, более того, требует обращения к формально-семиотической интерпретации когнитивного действия и, опосредованно, взаимодействия индивидов. Однако это предполагает редуцирование человеческой культуры к одному из ее аспектов и заикливание исследование на кодификации достигнутых состояний, описании и интерпретации проявленных фактов, исключая из фокуса исследования проблематику человеческого развития, вопросы формирования нового [См.: *Петров М.К. Историко-философские исследования. М.: РОССПЭН, 1996; Руткевич М.Н., Лойфман И.Я. Диалектика и теория познания. М.: Мысль, 1994*].

Дж. Сёрль показывает, как язык «конструирует» социальную реальность. Но он упускает из виду, что язык сам ничего конструировать не в состоянии. Это, конечно, не означает, будто ученый исключает индивидов как «силу, приводящую язык в движение». Более того, ученый акцентирует на этом внимание. И, тем не менее, если на место индивидов в модели Дж. Сёрля подставить механизмы, способные оперировать с языком, распознавать лингвистические коды, обмениваться ими и на этой основе выполнять программы взаимодействия, соответствующие циклу реализации витальных потребностей, то суть его концепции не изменится, поскольку это «операциональный» субстрат человеческой жизнедеятельности, который весьма эффективно кодифицируется посредством формулы «X считать как Y в C» [Searle J.R. Social Ontology: Some Basic Principles. 2004. P. 5-20. (Electronic resources) // <http://socrates.berkeley.edu/~jsearle>].

Однако жизнь человека не ограничивается подобной операциональной структурой. И это касается не только богатства и глубины его индивидуального универсума. Это в полной мере относится и к жизни человеческого сообщества, основной особенностью которого, по крайней мере на современном этапе, является доминанта развития, рост человеческого сознания, формирование новых когнитивных моделей, наконец, изменение представлений о роли человека как субъекта социального действия и «человеческом измерении» социальной реальности, которое оказывается за пределами горизонта формализации, хотя и не исчерпывает возможность собственной концептуализации в научном исследовании [См., напр.: *Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая*. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 47-51].

Итак, когнитивная модель Дж. Сёрля основана (1) на традиционной концепции реализма с соответствующей корреспондентной теорией истинности*, (2) на классической интерпретации научного факта и (3) на механистической системе онтологических представлений, в пределах которой формируется подчиненная первой, хотя и обладающая качественными отличиями, «социальная онтология». Предметом его исследования является онтологическая структура социальной действительности, механизмы ее воспроизводства, развития (конструирования), а также возможности концептуализации в качестве объективной реальности. Дж. Сёрль утверждает: «I am not trying to construct a model; I am trying to advance a theory that states an important set of facts about how society actually works» («Я не занимаюсь конструированием моделей; я развиваю теорию, которая фиксирует совокупность значимых фактов о том, как реально функционирует общество») [Searle J.R. What is an Institution? 2005. P. 25. (Electronic resources) // <http://socrates.berkeley.edu/~jsearle>], – а также отстаивает позицию, согласно которой отличительной особенностью философии на современном этапе развития является «преодоление эпистемологии», что выводит исследователей из круга неразрешимых вопросов, способствуя фокусированию на решении когнитивных задач в конкретных отраслях философских исследований [Searle J.R. The Future of Philosophy. 1999. P. 26-27. (Electronic resources) // <http://socrates.berkeley.edu/~jsearle>]. И это характеризует его как теоретика, работающего на уровне конкретных дисциплин в структуре философского дискурса, воспринимающего объект изучения с позиции когнитивной модели, о целостной структуре которой он не задумывается, и специализирующегося на вопросах социальной философии и философии языка, что, таким образом,

---

* Стоит отметить, что реализм как установка мышления не ограничивается сугубо традиционной интерпретацией. Тезис о существовании окружающего мира, осваивая который, человек осознает себя как субъекта когнитивного действия, формирующего пространство собственной жизнедеятельности, является надежным основанием научности познавательного процесса. Однако принятие данного тезиса не исключает различных интерпретаций концепции истины, статуса научного факта, роли субъекта познания и, в конечном счете, модели «научности» с соответствующим ей идеалом рациональности.

позволяет определить значимость его теоретико-методологических построений с точки зрения общей тенденции развития познавательного процесса.